

В октябре похолодало. Сквозь неплотно задёрнутые шторы сочился студёный ветер, а огромная фигура мужчины нависала над маленьким Цяо Юэ, накрывая его, как гора.

— Уу... у...

Мальчик в панике пятился назад. Плотная клейкая лента намертво залепила ему рот — будто слизень присосался и не отпускает. От отчаянных попыток вырваться грубая пеньковая верёвка всё глубже врезалась в кожу, оставляя на запястьях красные рубцы.

Он не понимал. Только что всё было нормально — и вдруг в один миг весь мир перевернулся.

— Я не хотел этого делать, не хотел никого убивать, это не моя вина... — мужчина, судя по всему, был взволнован куда сильнее самого Цяо Юэ; слова вылетали беспорядочно, насакивая друг на друга. — Мы просто хотели на тебе заработать. Вины твои родители — раздули шум на весь свет... Если ты умрёшь, это не моя вина. Я тут ни при чём...

В мозолистой руке тускло поблёскивало самое обычное складное кухонное ножичко. Острие смотрело прямо на Цяо Юэ. Тело мальчика окаменело, в голове — белая пустота, вместо мыслей один только страх.

Это был момент, когда он ближе всего подошёл к смерти.

Но в самый критический миг откуда-то вынырнула женщина лет тридцати с небольшим. Она рывком выхватила нож у мужчины и обрушилась на него с руганью — с заметным говором, режущим слух:

— Ты, дрянь такая! Сам хочешь сдохнуть — не тащи нас за собой! За торговлю людьми дадут несколько лет, а за убийство — голова с плеч!..

— Сестра. — Мужчина виновато пробормотал это слово, явно не привыкший к такому разному.

Женщина покосилась на него и перевела взгляд на Цяо Юэ. Узкие глаза — холодные, как у гадюки, беспощадные и равнодушные. Землистое лицо, а поверх крупных жёлтых зубов — кричащая красная помада. Из одежды — короткий жёлтый пуховик, тогда бывший писк моды, чёрная кожаная юбка, плотные тёмные колготки и белые кроссовки. Всё это пёстрое месиво сидело на ней с удручающей безвкусицей.

— Смотри-ка, мальчишка-то смазливый. — Женщина прицельно оглядела его с головы до ног.

— Ну а как же! — подхватил мужчина. — Думаешь, я из целой толпы детей просто так его

выбрал? Присмотрел: шустрый, с лицом. Таких дорожке берут.

Он помолчал, потом спросил:

— Сестра, продаём?

Женщина задумалась на мгновение, потом стиснула зубы:

— Продаём. Ещё чего! Только выждем, пока шумиха не уляжется. Тогда сплавим его куда-нибудь в глухую деревушку. Куда он денется — ребёнок.

Им и вправду повезло. Мужчина использовал Цяо Юэ как приманку и заманил служанку, присматривавшую за мальчиком, в какую-то забегаловку. Пока та спохватилась, пока в школе просмотрели записи с камер, установили личность подозреваемого, вызвали полицию и известили родителей Цяо Юэ — прошло несколько часов. Несколько часов, за которые микроавтобус с похитителями растворился в людском море.

2000 год. Камеры видеонаблюдения — редкость. Мобильный телефон — роскошь. Большинство телевизоров ещё чёрно-белые. Фотографии — не у каждого. Всё это играло в руку торговцам людьми.

Сейчас они прятались в маленькой глухой деревушке. Жители здесь — простые, бесхитростные. Телефон только у старосты. О телевизоре и говорить нечего.

Никому и в голову не пришло бы заподозрить в них работорговцев. Эта беда казалась здешним людям далёкой — из другого мира.

Цяо Юэ держали уже сутки. Тело болело, в глазах стояли слёзы — но он усилием воли загнал их обратно. Нельзя плакать. Он не собирается гнуть шею перед этими ублюдками.

В комнате висели плотные шторы, не пропускавшие ни лучика. Его стерегли круглосуточно — еду и питьё подносили прямо к губам. Обычно это был пресный, сухой, ни разу не приправленный хлеб — просто пустая булка, без ничего.

Поначалу Цяо Юэ почти не притрагивался к еде — желудок отказывался принимать эту безвкусицу. Но потом голод скрутил живот так, что хоть волком вой, и он стиснул зубы и заставил себя дожевать целую большую булку до последней крошки.

Иногда он пытался разговаривать с тем, кто приносил еду. Голос у него был детский, но слова — чёткие, продуманные:

— Дяденька, отпусти меня домой. Я попрошу папу с мамой — они дадут тебе денег, больше,

чем ты выручишь за меня.

— Жри молча. Ещё раз пикнешь — убью.

И тут же — пинок, не жалея сил.

— Или просто уходите, а меня бросьте здесь. Вас тогда не поймают, — стиснув зубы от боли, продолжил мальчик.

— Ты меня за дурака держишь?! — хмыкнул мужчина. — Сам видел, что я тебя оставил, значит, я при деле. Так мы ещё быстрее сядем. — Он сунул недоеденную половину булки обратно и ушёл.

Мелкий паршивец. С голоду не умрёт — переживёт пару пропущенных кормёжек.

Эта деревушка давно служила им перевалочной базой. Один из своих держал здесь прописку, у старосты имелись документы. Так что и бросить ребёнка здесь не выйдет — только хуже сделают себе.

Время то тянулось бесконечно, то вдруг летело вперёд.

Постепенно верёвки с Цяо Юэ сняли и перевели в сырой полутёмный подвал. Звукоизоляция была хорошая — кричи не кричи, никто не услышит. Одна дверь, бежать некуда.

Кровати не было — только почерневший от сырости матрас и тонкое одеяло. Туалет за маленькой деревянной перегородкой, прямо в подвале. Хорошо хоть зима — запаха почти нет.

Цяо Юэ существовал в этом крошечном мирке, отупев и потеряв счёт времени. Никто с ним не разговаривал. Никаких развлечений. Только одна тусклая лампочка горела круглые сутки. О том, сколько дней прошло, он догадывался лишь по числу принесённых кормёжек.

Хоть бы кто-нибудь был рядом.

Мысль сама собой пришла и засела.

Прошло сколько-то времени — и однажды Цяо Юэ заметил, что тот, кто приносит еду, вдруг стал мягче. Заговаривал с ним — пустяки, но всё же: мол, веди себя тихо, найдём тебе хорошую семью, будешь жить — не тужить.

Напоследок потянулся погладить его по голове грязной рукой. Тело мальчика само собой напряглось — он инстинктивно отстранился.

— Что? Брезгуешь? — Лицо мужчины мгновенно перекопилось. Тёмный взгляд — и звонкая пощёчина.

Сила взрослого мужчины — не для детских плеч. В глазах потемнело, голова закружилась. Мужчина не останавливался, матерился:

— Вчера такой ласковый был! А сегодня что?.. Сука, ублюдок, ты думаешь, тебя ещё спасут? Уже четыре-пять месяцев прошло! Жди. — Он сплюнул. — Слушайся, и всё. Как только ещё товара наберу — оптом всех и сплавлю.

— Твою мать, всё из-за тебя, дармоеда! Полгода сидели тише воды — ни копейки не заработали. Теперь надо отыграться по-крупному.

Похищение Цяо Юэ наделало столько шума, что по всей стране заметно ужесточились проверки. Преступные сети притаились, носа не высывали. Но от пожара до оттепели — полгода прошло, и волна поутихла.

Теперь только семья Цяо да полиция продолжали поиски. Случайные люди, польстившиеся на огромное вознаграждение, давно потеряли запал — перестали пялиться на каждого встречного ребёнка.

К тому же Цяо Юэ за эти месяцы изменился до неузнаваемости. Исхудал — кожа да кости. Волосы отросли и закрывали пол-лица. Кожа — белёсая, как у тех, кто никогда не видит солнца. Ничего общего с тем гордым, ухоженным мальчиком с фотографии.

Мужчина говорил ещё долго. Когда злость брала верх — бил ногой того, кто лежал на полу.

Маленькое тело не шевелилось — неподвижное, как труп. Тусклый свет, промозглый холод, от пола, казалось, тянуло могильным холодом снизу. Мужчина вдруг поёжился. Замер. Сглотнул, не отрывая взгляда от распластанного мальчика:

— Эй! Ты живой? Эй!.. Вот блин, такой хлипкий, что ли... Эй...

Зрачки Цяо Юэ дрогнули. Он хотел сжаться в комок — больно, невыносимо больно, он совсем не хотел, чтобы его били — но тело не слушалось. Что-то сломалось в нём. Может, вся нервная система разладилась?

{Дурак. Хочешь выбраться — немного подыграй.}

Голос возник ниоткуда — и вместе с тем такой знакомый. Чуть насмешливый, ровный.

{Отдай мне управление. Быстро.}

В ледяном сыром подвале Цяо Юэ впервые заговорил со своей второй личностью.

{Ты кто?}

Бесконечные потрясения, как ни странно, притупили панику — в голове постепенно прояснялось.

{Меня зовут Шэнь Цзитун. Как объяснить...} — голос звучал по-детски, в нём слышались одновременно и детская непосредственность, и что-то более тёмное, навязанное извне. {Ты сам меня вызвал. Считай, что я — твоя вторая половина. Всё, хватит болтать. Отдавай тело. Живо.}

Цяо Юэ вдруг подумал: он, наверное, просто сошёл с ума от одиночества. Иначе почему появление чего-то похожего на призрака-вселенца не пугает — а радует?

Не вполне понимая, что делает, он уступил. И смотрел, как маленький мальчик с искренней детской улыбкой тихонько захлопал носом и позвал похитителя «дяденькой», показывая, как ему больно. Хорошенькое лицо, слёзы, дрожащий голосок — даже у каменного человека защемило бы сердце.

Похитители за свою жизнь насмотрелись на плачущих детей. Но послушный ребёнок с таким лицом — это другое дело. Почему бы не быть немного снисходительным?

Мужчина усмехнулся, сверкнув жёлтыми зубами:

— Что, больше не брезгуешь?

— Дяденька, что вы... мне больно... уу...

Шэнь Цзитун захлопал глазами — чёрные зрачки лучились растерянностью и невинностью, как у потерявшегося котёнка. Острые молочные зубки, беспомощный вид.

Это щекотало самолюбие. Мужчина довольно хмыкнул, перестал ругаться и молча поставил перед мальчиком нормальную еду — без лишних слов.

Шэнь Цзитун аккуратно всё съел, напоследок улыбнулся мужчине. Тот выдохнул колечко дыма — вентиляция в подвале была никудышная, курить было особо не в радость — и ушёл.

Сырой подвал снова погрузился в тишину.

И тут в голове Цяо Юэ всплыл вопрос:

{Ты мёртвый призрак?}

{Тьфу! Ты о чём вообще?} — в ответе послышался смешок. {Я — это ты. Ты — это я. Мы оба в одном теле. Будем помогать друг другу. Всё.}

Двое детей — обоим не было и восьми — ещё не знали таких слов, как «диссоциативное расстройство личности». Для Цяо Юэ это было просто: наконец-то в пустом подвале появился кто-то, с кем можно говорить. Он был... по-настоящему рад.

Человек — существо социальное. После долгой изоляции Цяо Юэ почти разучился разговаривать. Шэнь Цзитун заполнил эту пустоту.

С тех пор еду всегда принимал Шэнь Цзитун. Он быстро расположил к себе похитителей, и мало-помалу мальчики начали узнавать кое-что о внешнем мире.

Когда потеплело, в подвале появился новый сосед.

Круглощёкий малыш лет пяти-шести. Едва войдя, он зашёлся в рёве, звал маму с папой. Прежний Цяо Юэ непременно бы подошёл успокоить. Но этот — не двинулся с места.

Тело устало. Душа — ещё больше.

Страдания — не самое страшное. Страшнее — когда им не видно конца.

Ну и пусть поплачет. Устанет — само пройдёт. Лучше побережь силы на то, что будет дальше.

Детские слёзы иссякли сами собой — никто не пришёл утешать. Малыш посидел, ошарашенно поморгал, всхлипнул ещё пару раз и наконец заметил Цяо Юэ, который сидел в стороне.

— Бр... братик... — Пухляш на четвереньках подполз ближе, голосок дрожал. — Я хочу домой, братик... уу...

Цяо Юэ холодно посмотрел на него. Малыш осёкся на полуслове — испуганно уставился на него огромными чёрными глазами, как оленёнок.

— Хватит реветь, — тихо сказал Цяо Юэ. — Слёзы тут не помогут.

— Я по маме скучаю. По папе скучаю.

— Я тоже.

— Тогда почему ты не идёшь домой, братик?

— Потому что плохие люди нас заперли.

— Плохие люди... А разве чёрный кот-полицейский не придёт их поймать?

— Нет. Здесь только мы.

—...О. — Голосок упал. Малыш осторожно придвинулся ближе — и, убедившись, что его не прогоняют, прижался к Цяо Юэ.

Со временем детей становилось больше. Похитители раз за разом спрашивали каждого адрес — и тех, кто называл правильно, тут же жестоко колотили и лишали ужина. Цяо Юэ тоже спрашивали. Шэнь Цзитун каждый раз глядел с таким искренним непониманием, что отстали.

Пухляш был умным и послушным ребёнком — в другое время это было бы достоинством, но здесь обернулось бедой. Он чаще всех получал затрецины. Цяо Юэ шептал ему: говори, что не помнишь. Но мальчика снова и снова ломали расспросами — и он сдавался.

Семеро детей в тесном подвале. Память таяла. Они начинали забывать, кем были, — и угождали похитителям, только бы жить.

Цяо Юэ видел всё это. Ничего не мог поделать.

Потому что и он сам был одним из них — придавленных, выжатых.

Впервые в жизни он почувствовал такую жажду силы. Настоящей, подавляющей — чтобы смести всё и всех.

Однажды ночью детей усыпили и разделили на три группы. Товар пошёл в оборот.

Среди похищенных почти все были мальчики — в глухих деревнях, где живёт культ сыновей, семья без мужского наследника считается неполноценной. На этом и держался весь грязный промысел.

Оказавшись снаружи — впервые за полгода с лишним — Цяо Юэ увидел мальчика, которого вёл за собой тот самый мужчина, похитивший его в первый день.

Ребёнок вытянулся, но исхудал до жути — локти выпирали сквозь тонкую кожу, как у скелета. Взгляд потухший, мутный — не детский, а старческий. Казалось, он вот-вот рассыплется.

Судя по всему, мальчик его уже не узнавал. Молча, как деревяшка, выполнял любые команды. Похитители его давно сломали — привязали к себе незримым ошейником.

Вскоре всех троих перевезли на место «сделки» — в совсем уж глухую деревушку с таким густым говором, что Цяо Юэ не понимал ни слова. Их заперли в ветхой хибаре. Двое взрослых ушли торговаться. Сторожить остался один — и ещё здоровенная злобная дворняга на привязи.

Больше ждать нельзя.

Цяо Юэ стиснул зубы. Нужно бежать.

Поздней ночью.

Цяо Юэ разбудил обоих и спросил шёпотом:

— Хотите бежать?

Бежать самому, пока другие спят и ненароком не подняли шум, — слишком ненадёжно. Лучше всем троиm сразу. Разбегутся в разные стороны. Их двое, охранников тоже двое, — кто-нибудь да уйдёт.

— Можно так сделать? — Пухляш вытаращил глаза, в которых вспыхнула надежда — и тут же погасла. — Но я уже не помню, где мой дом...

— Я тоже не помню, — тихо сказал третий мальчик. — Но... можно найти полицейского. Мама говорила: если беда — иди к ним. Помогут.

Пухляш загорелся. В этом месте ему было плохо — ни игрушек, ни нормальной еды, одни страшные взрослые. Он так хотел домой. Обещал себе: вернётся — станет примерным. Не будет привередничать. Будет слушаться учителей. И больше никогда не станет дёргать Сяохуа за косички.

— А как выйти? — тоскливо спросил пухляш. — Там же здоровенный чёрный пёс.

Пёс ночью — это беда: залает, разбудит. Взрослые успеют перехватить детей раньше, чем те добегут до дороги.

Цяо Юэ и Шэнь Цзитун думали одновременно. Выбора не было. Сейчас, пока цену ещё только обговаривают, надзор немного ослаб. Пропустят момент — попадут в руки к покупателям, а те

будут стеречь ещё крепче.

— Мы разбегаемся в разные стороны. Их двое — всех не поймают. Кому не повезёт — не держать зла на того, кто вырвется. Это лотерея. Бежим так быстро, как только сможем.

Пухляш не очень понял, но уловил главное: страшно, но надо. Серьёзно кивнул.

План был примитивный — но другого не было.

В правом нижнем углу деревянной стены — большая прореха. Маловата, чтобы пролезть, но это было, пожалуй, единственным объяснением, почему их держали здесь без лишних мер предосторожности. Края пролома — занозистые, острые, пальцы кололо при малейшем прикосновении.

Цяо Юэ стиснул зубы и начал расковыривать доску руками.

Детские пальцы — слабые. Они менялись втроём, налегая по очереди. Продвигались медленно, по чуть-чуть.

Время шло. Пухляш в изнеможении плюхнулся на пол — глаза на мокром месте:

— Мы не убежим... я хочу к маме... уу...

Третий мальчик тоже тихонько захлюпал носом.

Хорошо хоть понимали — нельзя громко.

Цяо Юэ продолжал работать. Что-то острое вошло в ладонь, тёмная кровь проступила на коже. Он не остановился. Он давил, тянул, выламывал — снова и снова, с такой силой, как будто выламывал не доску, а саму судьбу.

Вернётся — съест всё, что захочет. Вырастет большим и сильным. Научится драться. И убьёт каждого из них.

Всех до одного.

Внутри что-то поднялось — не страх, не боль. Злость. Тихая, твёрдая.

Следующего он уже не помнил. Очнулся — а в стене зиял пролом, достаточно широкий, чтобы пролезть. Оба мальчика смотрели на него с восхищением.

Это был Шэнь Цзитун?

Цяо Юэ чуть поднял уголки губ — и промолчал.

Ладони горели. Но на душе было легко.

Ночь выдалась густой. Серп луны скалился над горизонтом. Звёзды мерцали мелко и бесчисленно. Вокруг — тишина, только лягушки и цикады.

Цяо Юэ растолкал обоих и сказал тихо: пора.

Пухляш дрожал, прижавшись к его спине:

— Куда бежать?

— Туда, где есть дорога. Найдёшь реку — иди вдоль берега. Рано или поздно выйдешь к людям.
— Голос у Цяо Юэ звучал не слишком уверенно. Он и сам понимал: что значит — к людям? Эта деревня торгует детьми. Следующая — разве лучше?

Это была ставка. Выиграешь — домой. Проиграешь — хуже уже не будет.

<http://bllate.org/book/17413/1659138>